

Ksenia V. Osipova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

North Russian Dialectal Nicknames Derived from Names of Food: An Ethnolinguistic Approach

Voprosy onomastiki, 2017, Vol. 14, Issue 1, pp. 87–109

DOI: 10.15826/vopr_onom. 2017.14.1.005

Language of the article: Russian

Осипова Ксения Викторовна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Диалектные прозвища Русского Севера, образованные от названий пищи: этнолингвистический аспект

Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 1. С. 87–109

DOI: 10.15826/vopr_onom. 2017.14.1.005

Язык статьи: русский

ДИАЛЕКТНЫЕ ПРОЗВИЩА РУССКОГО СЕВЕРА, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ НАЗВАНИЙ ПИЩИ: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

В статье рассматриваются коллективные и индивидуальные прозвища, записанные на территории Архангельской и Вологодской областей, а также на северо-востоке Костромской области. Внутренняя форма и мотивация антропонимов, которую предлагает диалектоноситель, позволяют охарактеризовать представления о кулинарных традициях крестьян Русского Севера, стереотипный взгляд на чужую и свою пищу, гастрономические предпочтения различных социальных и территориальных групп, выявить ситуации, частью которых становится пища, и определить сопровождающие ее мотивы и смыслы. Большая часть рассмотренных коллективных прозвищ изначально указывала на территориальные различия в рационе: преобладание того или иного блюда (*кашехлёбы*, *тюрики*, *штенники* и др.), употребление пищи определенного состава (*гороховики*, *картошники*, *мякинники* и др.), особенности приготовления блюд (*кислая камбала*, *кислушники*, *выденники* и др.). Некоторые антропонимы, возможно, сохранили память о соседстве русского и финно-угорского населения. Индивидуальные прозвища часто отражали представления о нормах питания и их нарушении, а также (наряду с коллективными) становились маркером материального положения: так, многие из «бедных» прозвищ принадлежат жителям Пинежского и соседнего с ним Верхнетоемского районов (*крохоборы*, *мусённики*, *сухарники* и пр.), тогда как богатым признавалось население Мезени. Мотивация ряда прозвищ приобретает дополнительные сюжетные линии, которые нашли

*Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

© Осипова К. В., 2017

продолжение в народной топонимии и фольклоре. Среди устойчивых, повторяющихся мотивов — сюжеты о краже пищи (*масленники, толоконники, кашники* и пр.), скисании и порче продуктов (*кисломолочники, ротковская говядина*), пролитом напитке или пище (*творожники*), замешивании реки мукой / толокном (*толоконники*).

К л ю ч е в ы е с л о в а: русский язык, севернорусские говоры, антропонимы, индивидуальные прозвища, коллективные прозвища, мотивация, этнолингвистика.

В традиционной культуре пища предстает очевидным идентификатором человека или сообщества. Для крестьянской общины состав пищи, время и обстоятельства ее приема — важные приметы человека, говорящие не только о «пищевом поведении», но и о социально ориентированных чертах характера (см., например, исследования Г. И. Кабаковой [2008; 2015], Т. В. Леонтьевой [2016, 212–217], А. А. Едалиной [2012], Е. Л. Березович и К. В. Пьянковой [2007] и др.). Диалектная лексика с семантикой, относящейся к «кулинарной» сфере, задает ряд параметров для разграничения социумов и отдельных людей: пищу можно разделить на городскую и крестьянскую, традиционную и новую, употребляемую бедными и богатыми; по территориальному параметру — на рацион земледельцев и поморов и пр. Перечисленные признаки находят преломление в диалектных антропонимах — коллективных, семейных и индивидуальных прозвищах, значительная часть которых восходит к апеллятивной лексике, имеющей «пищевые» значения.

В статье рассматривается корпус прозвищных антропонимов (коллективных, индивидуальных, семейных) Русского Севера, собранных Топонимической экспедицией Уральского федерального университета и охватывающих территорию Архангельской, Вологодской областей, северо-восток Костромской области (северная часть Шарьинского района, а также Вохомский, Октябрьский, Павинский районы, ранее относившиеся к Вологодской области). Большое количество антропонимов (коллективных прозвищ) перечисленных территорий отражено в словаре Ю. Б. Воронцовой «Словарь коллективных прозвищ» [СКП], материалы которого также использовались в статье. В предлагаемом исследовании представлены преимущественно те антропонимы, которые сопровождаются мотивировочными контекстами, позволяющими реконструировать взгляд диалектоносителя на «кулинарную» основу прозвища.

Записанные мотивировочные контексты делят прозвища на две группы, различающиеся механизмом возникновения. Одни из них являются результатом прямой номинации и отражают ситуацию реального контакта человека с пищей (ее употребления, изготовления, продажи и т. п.), например: *сметанники* ‘жители д. Лантыш Ленского района Архангельской обл.’ — «Мы в Лантыше сметану любили» [ТЭ]. Другие появляются в результате образной номинации, приписывающей человеку определенные свойства продуктов питания, ср. индивидуальные прозвища *Каша* ‘житель д. Керас Верхнетоемского района Архангельской обл.’ — «Корявой был да тихой», *Блин* ‘житель д. Борок Вилегодского района Архангельской обл.’ — «Лицо

круглое было, как блин» [ТЭ]. Образные прозвища по механизму возникновения сходны с метафорическими нарицательными лексемами, образованными на основе названий пищи, и преимущественно воплощают те же мотивы номинации. Например, продуктивной является модель ‘человек’ → ‘хлебное изделие’. Как отмечает М. Э. Рут, «в антропонимии, ориентированной на статичную предметную образную модель, воплощением русского национального комплексного представления о действительности оказывается венец деятельности земледельца — хлеб как ее основной продукт» [Рут, 2008, 74]. Названия сдобной выпечки округлой формы (*блин, булка, шаньга*) обозначают человека крепкого, полного, здорового, румяного; прозвища от названий хлебных изделий изогнутой формы, постных, сухих (*калач, коровашек, сухарь*) — напротив, худого, слабого и некрасивого. Тем не менее в антропонимах может проявиться не самый важный для нарицательной лексики номинативный признак. К таковым относится, например, признак цвета: здоровый человек — белый и румяный, как булка, ср. *Булочка* ‘житель Великоустюгского района Вологодской обл.’ — «Сын у меня был белой, румяной: “Ты, Коля, как булочка”. Так и прозвали Булочка», *Булка* ‘житель Виноградовского района Архангельской обл.’ — «Белый этот Паша был, как булка белый», *Опéкиши*¹ ‘житель Сокольского района Вологодской обл.’ — «Был мужик коренастый, маленький, лицо красное» [ТЭ].

Подробнее рассмотрим прозвища, в мотивационных контекстах к которым проявляется их ситуативная природа. В первую очередь будет учитываться та трактовка антропонима, которую предлагает диалектоноситель (подчас не совпадающая с первичной, не народноэтимологической мотивацией). Наблюдения над рефлексией информантов помогают восстановить представления о кулинарных традициях крестьян Русского Севера, стереотипном восприятии чужих и своих продуктов питания, гастрономические предпочтения различных социальных и территориальных групп, выявить ситуации, «героем» которых становится пища, и определить мотивы и смыслы, связанные с пищей как культурным знаком.

В большинстве антропонимов отразились кулинарные предпочтения человека или группы людей. Употребление определенного вида пищи рассматривалось как существенная индивидуализирующая черта, выделяющая человека и в семье, и в более крупных социальных группах, ср. прозвища: *Кисляк* ‘житель Великоустюгского района Вологодской обл.’ — «Дед у меня кислое молоко любил, вот и прозвали его Кисляком», *Кислúхина* ‘житель Шекнинского района Вологодской обл.’ — «Девушка очень любила кислушки², вот ее и прозвали Кислухина», *Кутья* ‘житель Устьянского района Архангельской обл.’ — «Гороховый суп кутьей называли, она все его и ела», *Сметана* ‘житель Великоустюгского района Вологодской обл.’ — «Он маленькой очень сливки

¹ Ср. влг. *опéкиши* ‘лепешка из кислого ржаного теста’ [СРНГ, 23, 247].

² Влг. *кислушки* ‘высушенные ломтики пареной брюквы’ [СРНГ, 13, 234].

любил», *Шаньга́* ‘житель Приморского района Архангельской обл.’ — «Шаньгой его называют, может, шаньги любил» [ТЭ]. Поскольку крестьянский рацион не отличался разнообразием, даже малейшее «отклонение» в пищевых приоритетах становилось заметным.

Пристрастие к тому или иному блюду отличало целые сообщества, причем дифференцирующим признаком могло стать употребление самых привычных, повсеместно распространенных блюд и продуктов — гороха, грибов, каши, молока, шей, ср. *гороховики* ‘жители д. Чермянино Великоустюгского района Вологодской обл.’ — «Гороховики-пирог они всё стряпали», *кашехлёбы* ‘жители д. Кириллово Белозерского района Вологодской обл.’, *молоканы* ‘жители д. Нижа Мезенского района Архангельской обл.’ — «Молоканы молоко любили очень, всё коров держали» [ТЭ], *моржеёды* ‘жители г. Архангельск’ — «Насмешливое название; за то, что они ели моржей» [СРНГ, 18, 262], *обабники* ‘жители д. Куданга Никольского района Вологодской обл.’ — «Много обабков — подберёзовиков, жители их едят» [ТЭ], *рёпники* ‘жители д. Калгачиха Онежского района Архангельской обл.’ — «Репа была одним из главных продуктов питания» [СКП, 279], *тюрики́* ‘жители д. Соболева Каргопольского района Архангельской обл.’ — «Соболяна — тюрики, тюрики: тюрю кушали» [Там же, 338], *штенники* ‘жители деревень в среднем и нижнем течении р. Мезень в Архангельской обл.’ — «Штенники ели мучной суп, напоминающий кашу» [Там же, 385]³, *ярушники* ‘жители д. Шушка Бабаевского района Вологодской обл.’ «Все ярушники⁴ пекли» [ТЭ]⁵.

Как показывают контексты, знакомство с чужой пищей, название которой впоследствии становилось основой прозвища, чаще всего происходило или в гостях (ср. костр. Вохом. *квасники́* ‘прозвище жителей Вятки’ — «Вятченята-квасники звали. Они квас пили всё. Кто к ним приедет — они всегда квасом угощали» [ТЭ]), или во время сельскохозяйственных работ (например, на покосе), где встречались жители нескольких деревень и приходилось обедать на виду друг у друга, ср. *калачи́* ‘жители д. Матвера Пинежского района Архангельской обл.’ — «Матверцы-калачи, ездили на покос с калачами» [СКП, 136], *шанёжники* ‘жители д. Юбра Пинежского района Архангельской обл.’ — «Шанёжники — шаньги пекли. Юбра — шанёжники: ездили на дальние покосы, они обычно пекли шаньги» [Там же, 380], *квасники́* ‘жители бассейна р. Вятка’ — «Они <вятчане> воду не носили на покос, а ходили всё с квасом» [ТЭ]. В ситуации одновременного поедания принесенных из дома продуктов острее всего чувствуются различия в рационе (можно вспомнить чувства некоторого удивления и любопытства к чужой пище, которые в современном мире испытывают школьники или офисные

³ Арх. *шти* ‘похлебка из ячменной муки’ [КСГРС].

⁴ Влг. *ярушник* ‘хлеб из ячменной муки’ [КСГРС].

⁵ См. также наблюдения А. Ф. Журавлева [2016, 156–157] над «гастрономическими» прозвищами других регионов России.

сотрудники, приносящие «обед с собой»), что и становится стимулом для появления антропонима.

Прозвища с внутренней формой, указывающей на пристрастие к определенному виду пищи, обычно разграничивают сообщества людей, населяющих обширные территории. Так, жители Вологодской и Архангельской областей противопоставляются как *водохлёбы*, живущие по рекам и потому, по мнению информантов, пьющие много чая, и *трескоеды*, употребляющие в пищу морскую рыбу: *водохлёбы* ‘жители Вологодской обл.’ — «Мы все водохлёбы, чай всю жизнь пьём», «Мы водохлёбы, а там трескоеды», «Мы пьём, они едят» [ТЭ], *трескоёды* ‘жители Архангельской обл.’ — «Всех нас трескоедами называют, думают, что у нас всякая рыба есть, а мы рыбы-то не видим», ‘жители гг. Архангельск, Мезень, Онега Архангельской обл.’, ‘жители Пинежского района и бассейна р. Пинега в Архангельской обл.’ [СКП, 329–330; ТЭ]. В паре антропонимов *водохлёбы* — *трескоеды* используется сразу несколько оппозиций, противопоставляющих рацион жителей двух регионов: напиток // нежидкая пища, речная // морская пища (треска). Очевидно, прозвище *трескоеды* было перенесено с обозначения профессиональной группы (поморов, занимавшихся ловом рыбы) на наименование всего населения Архангельской области: «Раньше здесь добывали в основном треску, возили с Белого моря на базар. Здесь даже была базарная мастерская, в которой делали бочки под эту рыбу. Поэтому здесь был большой рыбный порт» [ТЭ]. Так, [СРНГ, 45, 52] фиксирует записанное в 1911 г. арх., мурм., карел. *трескоёд* ‘прозвище поморского жителя, который занимается промыслом трески’ — «Лопаришки нас все трескоедами ругают» (мурм.), «Мурманщик — кто треску ловит, трескоеды да тресколовы. Сумлян мешане звали, а Колежму трескоеды» (карел. Беломор.), а также мурм. *архангельский трескоёд* ‘любитель трески’.

Особый сюжет связан с привычкой пить чай, которая воспринималась как признак изнеженности, «столичности» и пустого времяпрепровождения: *чаевые* ‘жители д. Веселая Кичменгско-Городецкого района Вологодской обл.’ — «Чай шибко пьют в Весёлой, потому и чаевые», «Веселята чаевые, без чаю на работу не выйдут, как москвичи», *чайники* ‘жители д. Малое Борисово Бабаевского района Вологодской обл.’ — «Пока чаю не попьют, на работу не пойдут» [ТЭ]. Самое распространенное на Русском Севере название любителей чая — *водохлёбы* (ср. арх. *водохлёб* ‘человек, любящий часто пить чай, воду’ — «Нам уж обязательно надо чай — мы ведь водохлёбы» [АОС, 5, 9]) — стало прозвищем крестьян многих (около 40!) деревень Архангельской и Вологодской областей, например жителей куста деревень Спас Усть-Кубинского района — «Спасёна — водохлёбы, чай, наверно, любили» и жителей д. Жерличиха Харовского района Вологодской обл. — «Они нас водохлёбы звали, до чаю мы охочие» [ТЭ] и др. (подробный перечень см. в [СКП, 55–61]). С угощением слабым чаем связывается мотив скупости и воровства, запечатленный в прозвище жителей г. Вытегра Вологодской обл., которых называли *воры* или *водохлёбы* «оттого, что место там у них было

прохожее-проезжее и кормили тех прохожих в чайных там варевом жидким, одна вода, а деньги брали как за густое-наваристое кушанье» [Кофейня].

В целом ряде случаев «пищевая» мотивация *водохлёбов* оказывается вторичной: она в шуточной форме свидетельствует о проживании крестьянской общины рядом с крупной рекой или другим водным объектом, ср. *водохлёбы* 'жители д. Бобровское Нюксенского района Вологодской обл.' — «Сидели на берегу, провозжали пароходы», 'жители д. Третьяковская Бабаевского района Вологодской обл.' — «Река рядом — вот и водохлёбы», 'жители деревень по р. Юза в Бабушкинском районе Вологодской обл.' — «На реке живём, потому и водохлёбы», 'жители д. Дёмино Никольского района Вологодской обл.' — «Дёмино вот за речкой тут — водохлёбы, на реке потому что стоит» [ТЭ].

В Костромской области *водохлёбами* называли жителей бассейна р. Вохма и Вохомского района. При противопоставлении жителей Вохмы и Вятки обыгрывалась оппозиция *вода* — *квас*. «Вохмяков» за привычку пить и хлебать воду, которая намекала на их бедность, называли *водохлёбы*, а «вятчанят» звали *квасники* (*водоквасы*, *квасная пучина*) за любовь к квасу: «Вохмяки — водохлёбы, а ветчанята квасом напоят», «Вохмяки-водохлёбы. Пей или не пей <квас>, а всё воды хочется. А вятские квас пили», «Водохлёбы плохо жили да воду хлебали. Вохму так называли», «Ветчанята нас называли вохомские водохлёбы. Вохма-река у нас, и мы пьём чай, а они всю дорогу квас» (Окт.); «Вочаги — водохлёбы, ветчанята — водоквасы. Им квасу надо» (Павин.); «Они нас вохмяки-водохлёбы звали. Ну, у нас, вишь, река тут Вохма была, вот по этой реке водохлёбами звали», «Вохмяки — водохлёбы, Соловецкие — толоконники. Толокно делали, мельниц много было. В нашей-то стороне чаёк пили, а у соловецких — черничное варенье или квас» (Вохом.) [ТЭ].

«Водный» мотив является одной из составляющих народных представлений о том, что жители Вятки и Вохмы отличаются друг от друга своими бытовыми, речевыми особенностями, ср. костр. (Павин.) «У нас *дежень*⁶, а у ветчанёнок *заперя с дрыгозой*⁷. Смеялись над ними» [ЛКТЭ]. В круг противопоставлений постоянно втягивается пища и соответствующая ей группа лексики, что подтверждают наблюдения Е. Д. Бондаренко над метаязыковой рефлексией жителей этих регионов: «Для определения круга “вятских” слов местные жители (в данном случае — костромичи) обращаются к своеобразным лексическим индикаторам — междиалектным синонимам, обозначающим бытовые реалии и действия. Это могут быть наименования выпечки, ср. “Вятчане приехали с Вятки, у них и разговор не как у вочагов <жителей бассейна р. Вочь>. Вот, вочаги говорят *колобы*, а вятчане — *шаньги*” (Павин., Медведица); “*Колобы* вятское слово, а у нас всё

⁶ Ср. костр. *дежень* 'густая похлебка из толокна со сметаной' [ЛКТЭ].

⁷ Костр. *заперя с дрыгозой* — квазислова, обозначающие, соответственно, толокно и сметану [ЛКТЭ].

шаньги. Ветчанят по *колобам* сразу узнавали, по этому слову” (Павин., Березовка) <...>; времени приема пищи, ср. “Обеды по-разному зовутся: у вочагов — *обед*, а у вятчан — *паужина*” (Павин., Медведица)» [Бондаренко, 2016, 109].

Основу многих антропонимов составляют мотивы, отражающие нарушение норм питания. Индивидуальные прозвища могут быть даны за пищевую неводержанность — например, употребление большого количества пищи, ср. *Мáслинца* ‘житель Верхнетоемского района Архангельской обл.’ — «Много масла ел дак», *Похлѣбка* ‘то же’ — «Ел, наверное, много» [ТЭ]; нарушение традиционного запрета «таскать» куски, ср. *Хлебный* ‘житель Верхнетоемского района Архангельской обл.’ — «Много хлеба ел да все по улице с ним бегал» [ТЭ]; пристрастие к слишком горячей пище как проявление нетерпения, ср. *Кисели* ‘семья из Нюксенского района Вологодской обл.’ — «Кисели их называли; у них хозяин киселя наварит горохового и как горячае так и пьет скорее» [ТЭ]. Прозвище жителей д. Шардонемь Пинежского района Архангельской обл. *макунѝ* указывает на непривычный способ употребления блюда: «Макают в подливку» [СКП, 210]. Подобные идеограммы выделяются и в нарицательной лексике, содержащей негативную оценку пищевой неводержанности: ср. костр. *пóволоча* ‘на ходу (есть)’, *межвѣтъ* ‘не во время, отведённое для еды’ — «“Межвѣтъ я тебе еды не дам”, — бабушка говорила» [ЛКТЭ], арх., влг. *вѣйти не знать* ‘есть без меры» [СГРС, 2, 266–267].

В индивидуальных прозвищах часто закрепляются воспоминания о связанных с едой детских привычках и шалостях. В какой-то мере подобные антропонимы также говорят о нарушении пищевых норм, излишнем пристрастии к определенной пище, ср. *Сметанка* ‘житель Приморского района Архангельской обл.’ — «Бегала маленькая, все просила: хочю сметанки», *Тесто* ‘житель Бабаевского района Вологодской обл.’ — «В детстве поел непеченого теста с изюмом», *Хлебоед* ‘житель Устьянского района Архангельской обл.’ — «Отец сказал про него — он у меня мальчонка-хлебоед. Так хлебоедом до смерти и прожил», *Кислый* ‘житель Приморского района Архангельской обл.’ — «Сергей Кислый до сих пор зовут, мальчишкой пришел и говорит: “Я съел две шаньги, две кислых да три пресных”, вот и прозвали Кислый», *Сахар* ‘житель Солигаличского района Костромской обл.’ — «Он, когда был школьником, всё время ел сахар, так его до сих пор и зовут» [ТЭ].

Для коллективных прозвищ типичен мотив употребления непривычной, некачественной, испорченной пищи или изменения привычной технологии приготовления блюд. Так, *конечáны-пустовáрники* ‘жители д. Койнас Лешуконского района Архангельской обл.’, очевидно, готовили «пустые», жидкие похлебки, *мусѣнники* ‘жители д. Каскомень Пинежского района Архангельской обл.’ варили плохое, с большим количеством гущи пиво — «На праздник к има приехали, а у их пиво худо вышло, гушши много, сказали: “У вас пиво, как мусѣнка”» [ТЭ] (ср. арх. *мусѣнка* ‘каша или

похлебка из муки' [СРНГ, 18, 363]). Прозвище *борщеведы* было дано крестьянам с. Ижма Приморского района Архангельской обл. за то, что «вместо капусты квасили и запасали на зиму дикорастущие на лугах борщовки (пучки)» [СКП, 42]; этим же прозвищем жители Мезени называли население побережий Печоры [Журавлев, 2016, 156–157]. Упомянутые выше *водохлёбы*, жители бассейна р. Вохма, и *квасники*, жители Вятки, противопоставляли себя тем, что по-разному готовили квас: костр. «Квас у них <вятчан> три дня ходит, а у нас одновидельный» [ТЭ].

Интересен отразившийся в антропонимах мотив употребления сырого, испорченного или заквашенного мяса. Так, за пристрастие к мясу «с душком» жителей куста деревень Ротковец Коношского района Архангельской обл. называли *ротковская говядина* — «Изгниет мясо, а они его едят» [ТЭ]. Жителей д. Заозерье Мезенского района Архангельской обл. звали *кислая камбала* (*кислые камбалы*), поскольку они «заквашивали» рыбу: «Они все по камбалы ходили, камбалы квасят, закислят и едят» [ТЭ]. Рискнем предположить, что в данном случае мы имеем дело с антропонимами, которые сохранили память о кулинарных особенностях кухни финно-угорских народов, многие из которых заквашивали рыбу и мясо, таким образом заготавливая их впрок⁸. По данным «Словаря коллективных прозвищ», «слово *камбала* в Архангельской губернии имело значение ругательства. На Онеге было распространено выражение *косая камбала* в значении ругательства. Жители этой деревни в большом количестве ели морскую камбалу особого печорского посола» [СКП, 150], а «печорский» посол рыбы как раз предполагал приготовление рыбы «с душком». Прозвище населения Каргопольского уезда и жителей полуострова Канин Нос Архангельской обл. *сыроведы* также отражает особенности приготовления рыбы и мяса: «Жители очень любят есть сырую рыбу и сырое мясо. И сейчас любят они рыбку сырком есть и приговаривают: “Рыбка сыра и вкусна, да в ней сила наша, в жилах кровинушка наша текёт”» [Там же, 313], ср. *сыровед* р. Урал ‘о том, кто ест сырую, невареную пищу’, том. ‘о том, кто ест сырую рыбу’ [СРНГ, 43, 160]. Действительно, пожалуй, самой специфичной чертой «чужой» кулинарии является приготовление мяса или рыбы, тем более что для русских они не являлись основным продуктом питания. Интересно, что

⁸ Ср. замечание о кухне карелов: «В свою очередь, карелы тоже оказали влияние на формирование традиционной кухни русского населения Карелии (Прионежье, Заонежье) <...> техника консервации пищевых продуктов (засол, вяление и сушка рыбы, вяление и сушка мяса) были заимствованы русским населением у коренного населения края, которое накопило в этом отношении богатый многовековой опыт» [Никольская, 2010, 10]. «В Калевальском и частично в Лоухском районах Карелии имела распространение *kevatkala* (букв. “весенняя рыба”) — рыба с душком» [Там же, 36]. В. В. Похлебкин в предисловии к кулинарной книге Х. Уусивирта «Финская национальная кухня» также отмечает, что рыбу и мясо финны чаще всего засаливали, чтобы сохранить с осени до весны, а затем по мере необходимости вымачивали перед употреблением [Уусивирта, 1982, 6].

в [СРНГ, 43, 160] слово *сыроёды* подается в одном ряду с прозвищем *чудь белоглазая*: «Каргопольцы — *чудь белоглазая, сыроеды*».

Распространен сюжет, приписывающий носителям прозвища случайное или намеренное употребление несъедобной или непривычной пищи. Население Мезенского района Архангельской обл. (и расположенной здесь д. Койда) получило прозвище *мандоёды* — «Давно как-то старому деду подкинули варёную манду оленью, а он и съел, вот и прозвали мандоедами» [ТЭ]; жителей д. Жердь того же района называли *кукушки* — «В ранешние времена сварили кукушку, вот и прозвали кукушками»; жителей г. Мезень и д. Кысса Лешуконского района Архангельской обл. — *вороны*: «Кто-то ворону съел» (Мезен.), «В голодное время жители ели ворон. Кого-то одного застали за этим делом, а называть стали воронами всех; видать, много ворон было» (Леш.) [СКП, 66]; жителей с. Койда Мезенского района Архангельской обл. — *куропы* «Так как любит народ куроптей стрелять и ловить да суп варить, или еще, как у нас говорят, трескать» [Там же, 190]. Мотив «съеденной птицы» устойчиво встречается в Мезенском и Лешуконском районах, где регулярно записывались прозвища, восходящие к орнитонимам. По наблюдениям Ю. Б. Воронцовой, «коллективные прозвища, образованные от названий животных или птиц <...> возможно, отражают традиции “тотемного” номинирования. Скопления этих двух номинативных типов коллективных прозвищ, по нашему мнению, являются показателями субстратных зон. Так, например, учитывая антропонимические данные, такие субстратные зоны могут быть выделены на севере Архангельской области (Лешуконский и Мезенский районы), где ярко проявляется “птичья модель” (ср. прозвища жителей соседних деревень в бассейне р. Мезень — *зелезени, тетеры, кукушки, совы, вороны, дрозды, крохали, петухи*)» [Воронцова, 2002, 129–130]. Вероятно, «пищевая» мотивировка в данном случае отражает современное народное переосмысление антропонимов, архаичных по своей первичной мотивации (возможно, тотемных).

Коллективные прозвища могут указывать на территориальные различия в приготовлении пищи, привычку готовить блюдо по определенной технологии. Как показывают полевые записи, чаще всего крестьяне обращали внимание на различия в изготовлении выпечки: из кислого или пресного теста, долго или мало стоявшего, из разных ингредиентов (овсяной, гороховой муки, картошки и т. п.). Например, за обычай печь пироги из кислого теста жители бассейна р. Юза в Вологодской обл. получили прозвище *кислушники* — «Буди, пироги кислы пекли» [ТЭ], а жителей д. Хотеново Каргопольского района Архангельской обл. прозвали *кислые житники* — «Их называли кислыми житниками, потому что они любят кислое всё» [СКП, 150]. Крестьян одной из деревень Виноградовского района Архангельской обл. называли *вьиденники*, поскольку «Они хлеб на один день пекли», ср. арх. *вьиденник* ‘хлеб, который замешивают вечером, а утром выпекают’ [Там же, 72–73]. Жители д. Прилук и д. Новая Деревня Верховажского

района Вологодской обл. называли друг друга *колобкі* и *мякінники*, потому что прилучане готовили выпечку из картошки, а жители Новой деревни — из овса: «Прилучан-то всё звали колобки, там пекли колобки из картошки, а наших — мякинники, это хлеб пекли из овса» [ТЭ]; *гороховики*, жители д. Верхняя Кичуга Великоустюгского района Вологодской обл., пекли пироги из гороховой муки, ср. «Гороховики они всё стряпали» [ТЭ]. Встречаются и такие прозвища, в которых подчеркивается умение особенно хорошо и вкусно готовить то или иное блюдо, ср. *творóжники* ‘жители д. Савино Каргопольского района Архангельской обл.’ — «С давних времен славилась их деревня самыми вкусными творожниками, да и творога у них водилось больше всего» [СКП, 318].

Пища не только территориально разграничивает между собой локальные сообщества, но и выстраивает между ними или внутри одной группы людей социальную иерархию. Через «кулинарный» код эксплицируется о п п о з и ц и я *б е д н ы й* — *б о г а т ы й*, маркируется употребление незатейливой, пустой, постной пищи — и более дорогой, разнообразной, калорийной. К бедной пище относились постные блюда из зерна, муки, хлеба — обычно это были жидкие похлебки, ср. *Опары* ‘семейное прозвище жителей Виноградовского района Архангельской обл.’ — «Опары — кушанье ещё такое было, из ржаной муки делали, а Опарами прозвали, что, видно, бедно жили, только одной опарой и питались» [КСГРС], *Квас* ‘семейное прозвище’ — «Жили бедно, квас хлебали» [ТЭ], *мусённые*, или *мусёнки* ‘бедные жители пинежских селений, в частности д. Каскомень Пинежского района Архангельской обл.’ (*мусёнка* ‘болтушка из воды, муки и соли’) — «Каскомень — мусённые: мусёнку варят; поедут зимой за сеном, за кормом, брали с собой в туюсок. Их всё мусёнными зовут» [СКП, 226–227]. Прозвище *мякінники* получили жители части д. Каскомень (Оксово) Пинежского района Архангельской обл. за крайнюю бедность, вынуждавшую есть зерновые отходы: «Раньше жители околотка Оксово жили беднее, чем жители второго околотка, “на мякине жили”» [ТЭ]. Антропоним *заборские двоев́ары* ‘жители д. Заборье Виноградовского района Архангельской обл.’ может объясняться тем, что «они кости два раза варили, бедные, видно, были»⁹ [ТЭ]. Прозвище *крошеничники* (*крошенина*) жители д. Котошка Шенкурского района Архангельской обл. [СКП, 118] получили за пристрастие к *крошенине* — похлебке с хлебом, пустому и незатейливому блюду. Это же прозвище носили жители д. Кучкас Пинежского района Архангельской обл. за крайнюю бедность, вынуждавшую есть листья растений и водоросли: «Не ходите в Кучкас замуж — Там лапужники¹⁰ едят. Лучше за ручей подите — Там хоть чаем напоят» [Там же]. Мотив, связывающий представления о пустой, постной пище и бедности, устойчив и в нарицательной лексике, ср. арх.,

⁹Однако скорее прозвище восходит к арх. *двоев́ара* ‘пиво, дважды переваренное с хмелем’ [КСГРС, 3, 179].

¹⁰Ср. арх. *лапужник* ‘листья растений’, ‘водоросли’ [КСГРС].

влг. *голожѡтица* ‘«пустая» похлебка, суп из картошки с луком’ — «Наварим суп пустой, лука да картошки, ну-ко, иди нужду хлебать, а кто ешшо рататуюем назовѣт, голожопицей, матюком каким» [СГРС, 3, 80], влг. *нужда* ‘пустой суп’ [КСГРС].

Одним из распространенных занятий, связанных с пищей, было нищенство и попрошайничество, символом которого становился сбор хлебных кусков, сухарей и пр. Этот мотив в равной степени присущ и коллективным, и индивидуальным прозвищам. Интересно, что это занятие могло приписываться целым деревням, ср. *сухárники* ‘жители д. Машканово Верхнетоемского района Архангельской обл.’ — «Машканы-сухарники ходили, видно, просили да сухари сушили» [ТЭ], *крохобѡры* ‘жители верховьев р. Пинега в Архангельской обл.’ — «Жители среднего и нижнего течений реки пренебрежительно называли их крохоборами за то, что они постоянно побирались» [СКП, 180].

Богатыми считались те, кто мог позволить себе есть мясо, пить кофе или чай, ср. *костогрызы* ‘жители д. Явзора Пинежского района Архангельской обл.’ — «Явзорцы раньше всё больше мясо ели. Богаты были, зажиточные, значит» [СКП, 169–170], *заболоцкие чаепитники* ‘жители д. Заболотье Верховажского района Вологодской обл.’ — «Нас заболоцкие чаепитники все звали, тут такие богатые всё жили», *кофѣйники* ‘жители дд. Крохино и Каргулино Белозерского района Вологодской обл.’ — «Богатые купцы в Крохино, кофейники» [ТЭ]. Прозвище *кофѣйники* получили жители г. Мезень Архангельской обл., которые, в отличие от крестьян окрестных деревень, жили в достатке и могли позволить себе кофе: «Пили много кофе, завезенного в Мезень из Норвегии. Мезенцы раньше кофе в самоварах заваривали и из них пили», «Они кофе с калачами пьют», «В Мезени, как нигде, любили пить кофе, он был любимым напитком мешчанок, по-местному, коренных горожанок» [СКП, 172]. В этом отношении любопытны наблюдения этнографа П. С. Ефименко о том, что кофе воспринимался крестьянами как символ роскошной, неумеренной жизни, да и чай могли позволить себе лишь самые обеспеченные из селян: «О кофе в деревнях более говорят с оттенком отвращения, относя потребление его к необузданной роскоши комфортабельных людей»; «Чай для гостей в употреблении у поселян только у некоторых благородных» [Ефименко, 1878, 139].

Многие коллективные прозвища, отразившие социально-экономическое положение сообщества, появлялись во времена голода. Так, население микрорайона Маймакса г. Архангельск получило прозвище *картофельники* — «Во время войны приходила молодежь на танцы. Они питались одной картошкой, и поэтому животы у них были большие. Это сразу бросалось в глаза» [СКП, 142]. Жителей с. Конево Плесецкого района Архангельской обл. называли *милозѣнники* (*милузѣнники*) за то, что в неурожайные годы они ели *милозѣну* — отходы от обмолота: «Своего хлеба не было, милозѣну ели», «По одну сторону реки Ектыш инья не было, хлеб не мѣрз, а у них мѣрз, хлеба у них мало было — вот и милузѣнники» [ТЭ].

Чаще всего мотив голода воплощается непосредственно в прозвищах с корнем *голод-*. Так, жителей одной части д. Сельцо (Устюжский район Вологодской обл.) называли *голо́дная охóна*, тогда как жителей другой части — *помиру́хи* [ТЭ]. Эти прозвища, имея «голодную» мотивировку, поддерживаются топонимами, называющими части деревни, — *Голодай* и *Погост*: «В Голодае голодухи, на Погосте помирухи» [ТЭ]. Прозвище *голода́и* носили и жители д. Заречье Холмогорского района Архангельской обл., а также д. Жидково Галичского района Костромской обл., жители Ветлужского края Костромской губ. — «Ветлугаи-голодаи все заборы оглодали» [СКП, 84]. В Каргопольском районе Архангельской обл. жителей д. Лекшмозеро звали *голода́и* не только за режим питания, но и за излишнюю скупость: они не поили чаем гостей, «всё подьедали, всё поджималися до самого зёрнышка без всяких запасов», «всю жисть они голодные» [Алексеевский и др., 2009, 431].

Прозвища давались и тем, кто в голод не испытывал нужды в продуктах, ср. *горо́ховики* ‘жители д. Солотное Великоустюгского района Вологодской обл.’ — «Богато жили, в войну горох у них был» [ТЭ]. Подобные наименования нередко нагружались негативными коннотациями, особенно если появлялись в голодные времена: чужая сытость не считалась нормой, вызывала зависть и осуждение. Например, крестьяне д. Солотново Никольского района Вологодской обл. носили прозвище *фашисты*, так как в военное время жили в достатке: «У их был такой председатель, штё в войну они богато жили. Голод был, нигде хлеба нет нисколько, а у их есть» [ТЭ]. Оппозиция *голодные* — *сытые* могла разделять не только деревни, но и целые районы. Так, жители Октябрьского района Костромской обл. противопоставляли себя населению Вохомского района, поскольку жили впроголодь и считали, что вохомцы, напротив, имели продукты в достатке. Символом сытости вохомцев была пшеничная мука: костр. (Окт.) «Там леса нет, земля хорошая <...> Мы траву ели, а они — пшеничники» [ТЭ], ср. костр. *пшени́чник* ‘пирог из пшеничной муки’ [СРНГ, 33, 183]. Реже встречаются прозвища и мотивировочные контексты, где закрепляется положительное восприятие пищевого изобилия и крепкого хозяйства. Среди таких антропонимов, например, *хлебосо́лы-рукодéльники* ‘жители д. Ракитиха Шарьинского района Костромской обл.’ — «Крепко жили, и мука, и соль у них была. Из льносемени делали льняное масло» [ТЭ].

Употребление определенного вида пищи связывается со спецификой обрядового поведения социума. Так, жителей с. Мякинницыно Великоустюгского района Вологодской обл. звали *кутехлёбы* — «Кто хоронится или женится — они все кутью ходили хлебать» [ТЭ]. Обычно названия обрядовой пищи давали основу прозвищам жителей тех деревень, где находились церкви. В упомянутом селе Мякинницыно стояла церковь св. Николая Мякинного. Прозвище *кутёйники* носили жители д. Шатенево Кичменгско-Городецкого района Вологодской обл., где тоже была церковь. *Колобо́шники* — прозвище жителей

с. Луптюг Октябрьского района Костромской обл., где находился Христорождественский храм: «Колобы пекли, олады-то. Носили колобы в церковь», «У нас всё колобы пекли, вот и колобошники» [ТЭ], ср. костр. (Окт.) *кóлоб* ‘оладья’ [ЛКТЭ]. Прозвище жителей д. Новая Деревня Бабаевского района Вологодской обл. *новодеревёнские нали́мы* сохраняет память об архаичной традиции, предполагающей ночную ловлю рыбы и приготовление из нее праздничного пирога в день св. Зосимы и Савватия Соловецких (27 сентября / 10 октября)¹¹: «Потому что страшно много в реке водилось. По осени — Изосимы. На этот праздник вся деревня на реке. В ночь перед праздником жители деревни шли на реку и ловили рыбу. Чаще — налимов. На следующий день стряпали рыбный пирог, который должен быть на праздничном столе, и в каждой семье налима едят» [ТЭ].

Через «пищевые» мотивировки антропонимов можно определить род занятий человека или социально-территориальной группы. Ряд прозвищ косвенно говорит о том, что их носители предпочитали возделывать и употреблять в пищу определенные сельскохозяйственные культуры: в разных поселениях приоритетными были горох, картошка, капуста, лук, репа и пр. Например, крестьян д. Чермянино Великоустюгского района и д. Земцово Никольского района Вологодской обл. называли *горо́ховики*, поскольку они в большом количестве сеяли горох: «Чермяне гороховики, сияли горох», «Земцово — гороховики, они горох сеяли, по многу ели его» [ТЭ]. Жители куста деревень Шубач Вашкинского района Вологодской обл. носили прозвище *капу́стники*, поскольку выращивали капусту: «Капустники капусты много растили» [ТЭ]. Жители с. Пезма Вельского района Архангельской обл. именовались *карто́вники* (*карто́вные шаньги*), «потому что у нас земли хорошие, картошка всегда хорошо родит» [СКП, 142]; жители д. Прилук Виноградовского района Архангельской обл. — *лу́ковицы* (*лу́ковцы*), «потому как лука много садили» [ТЭ]; жители куста деревень Пиньгиша Холмогорского района Архангельской обл. — *кислорéные*, поскольку «весной их деревню часто заливают водой. И поэтому они не успевают посадить ничего, кроме репы, и ели ее. А от репы они пукали», «У них земли были плохие, только хорошо не зерно, а репа родилась» [СКП, 149–150].

Прозвище жителей д. Кукшинга Павинского района Костромской обл. *ма́сленники* (*масля́та*) связывается информантами с битьем масла, которым занимались жители: «Масло делали, что ли» [ТЭ]. О распространении мукомольного производства свидетельствует прозвище жителей деревень Соловецкого сельсовета Октябрьского района Костромской обл. *толокóнники* — «Толокно делали, мельниц много было» [ТЭ]. Жителей д. Совполье Мезенского района Архангельской обл. звали *опарники*, поскольку они возделывали рожь, блюда из которой преобладали в рационе: «Совпола раньше рожь растили, рожь-то мололи и варили опару, потому что здесь речка нерыболовна» [СКП, 243]. Жители д. Хавино

¹¹ Эти святые особо почитались на Вологодчине [см.: РНК, 183–184].

Кичменгско-Городецкого района Вологодской обл. получили прозвище *мукозоббы*, потому что в деревне была мельница [ТЭ]. Несмотря на то что внутренняя форма антропонима характеризует жителей как «едящих муку»¹², антропоним с корнем *зоб-* (наряду с *ед-*, отмеченным ранее) определяет не только и не столько кулинарные пристрастия социальной группы, сколько преобладающий род занятий¹³. Обширную группу среди прозвищ с компонентом *ед-* составляют антропонимы, восходящие к названиям рыб и указывающие на основную промысловую породу на данной территории. Так, жители д. Патракеевка Приморского района Архангельской обл. носили прозвище *ревчаеды* за то, что ели *рѣвчу*: «Есть рыба ревча, на вид она очень страшная, вся в бугорках. Жители деревни ее ловят и едят» [СКП, 277]. Жителям Белозерского района, д. Устье Вытегорского района и некоторых деревень Вашкинского района (куст деревень Киснема, Тарасьево, с. Липин Бор) Вологодской обл. было дано прозвище *ершееды* — «Рыболовы были, ершей ловили», «Нас называли киснемские ершееды, потому что Киснема больше всех ловила ершей» [ТЭ]. Прозвище *попонаволоцкие ерши* (*ѣршики*) носили жители Попонаволоцкого сельсовета Вельского района Архангельской обл. — также из-за занятия рыбной ловлей: «Ершей много ловили» [ТЭ]. Жители д. Заозерье Мезенского района Архангельской обл. звались *кислая камбала* (*кислые камбалы*) — «Камбалы они много ловили», «Озеро у нас есть — Кислое, мы как раз за ним живем. А камбалы — оттого что мы их раньше много ловили» [ТЭ].

Подобную природу имеют прозвища типа *векшееды*, перенесенные с наименований профессиональной группы (охотников на белок) на обозначения жителей определенной территории, ср. костр. (Кологр.) *векшоеды* ‘жители Межевского района Костромской обл.’ — «В Межевском районе ели белок, векшееды их обзывали», влг. *векшееды* ‘прозвище жителей Верховинского сельсовета Бабушкинского района Вологодской обл.’ — «Говорят, они белок ели» [ТЭ], ‘прозвище жителей Никольского и Яренского уездов Вологодской губ.’ — «Охотничий промысел, и преимущественно за белкою, — один из главных промыслов в губернии и в особенности уездах Никольском, Устюжинском, Сольвычегодском, Яренском и Устьсысольском» [СРНГ, 4, 105].

Прозвища позволяют восстановить некоторые профессии и занятия «индивидуальных предпринимателей» деревни. Среди них — выпечка пирогов на продажу, доставка сухарей, ср.: *Картóвник* ‘житель Котласского района Архангельской обл.’ — «Он плохо жил, картовники стряпал да продавал», *Сухáрь* ‘житель Верхнетоемского района Архангельской обл.’ — «Коля Сухарь сухари в интернат возил», *березникóвские шанѣжники* ‘жители пгт. Березник Виноградовского района Архангельской обл.’ — «Ходили на берег, шанги продавали» [ТЭ].

¹² Ср. влг. *мукозоб* ‘обжора’ [СРНГ, 18, 339], арх., влг. *зобать* ‘есть’ [СРНГ, 11, 321].

¹³ Об особенностях семантики и мотивации прозвищ с компонентами *ед-* ‘есть’, *зоб-* ‘есть’, *хлѣб-* ‘хлепать’ и т. п. см. подробнее в [Воронцова, Галинова, 2015].

Наконец, в прозвище может отражаться свернутая до размеров лексемы о т д е л ь н а я с и т у а ц и я , с в я з а н н а я с е д о й , некий жизненный прецедент. Такие антропонимы единичны, «эксклюзивны», поэтому в данной группе преобладают индивидуальные прозвища: *Пирожок* ‘житель Верхнетоемского района Архангельской обл.’ — «Просили у него: “Дедушка, дай на пирожок рыбки!”», *Пельмень* ‘житель Великоустюгского района Вологодской обл.’ — «Чудили недавно на Лузу, лет с десяти. Комбикорм грузили. “Что грузите? — Пельмени”. Так и стал Андрей Пельмень», *Шанежка* — «Тесть уехал не покос, а хлеба не было, а бабушка принесла шаньги пресные, а тут река. Она стоит и ревет: “Дедушка, я тебе шаньги принесла!”. Он рубашку скинул — и в реку. Переплыл, шаньги в зубы и поплыл обратно, его и прозвали Лёвушка Шанежка» [ТЭ].

Однако не все ситуативные мотивы в полной мере случайны: среди них выделяется ряд повторяющихся, «бродячих» сюжетов. Устойчив с ю ж е т к р а ж и п и щ и , присущий коллективным прозвищам даже в большей степени, чем индивидуальным: нередко кража пищи отдельным жителем определяет прозвище целой деревни. Например, согласно объяснениям диалектоносителей, жители д. Кукшинга Павинского района Костромской обл. назывались *воры-масленники* (*маслята*, *масленники*) за то, что некоторые из них воровали масло. Прецедентные ситуации, составившие основу прозвища, имеют вариации — кража масла у проезжавшего через деревню путника, кража из амбара двумя стариками: «Ехал мужик с бочкой льняного масла. Ему говорят: “Не ездь в Кукшингу, езжай через Бутырки”. Он не послушался и поехал через Кукшингу. Там его кукшингцы и обокрали, масло украли. Вот и называли воры-масленники», «Галя да Фома — два старика масло воровали в деревне у нас. Подкапывают под житницей-то и воруют все оттуда масло-то. Вот из-за этих двух стариков и прозвали нас масленниками» [ТЭ]. За съеденную сметану жителей д. Кожаево Никольского района Вологодской обл. прозвали *сметанники*: «Кулачили: один был бедный, зашёл в погреб, нашёл горшок со сметаной. Пришли, а он сидит ест. Он был из Кожаево» [ТЭ]. Рассказы о краже масла, сметаны или сала перерастают в устойчивый мотивировочный, а далее и фольклорный текст, в котором скромные продукты выступают как предмет притяжения и вожделения, ср. сюжеты о воровстве сала, сметаны и масла в сказках о животных (кот, лиса). Иногда предметом воровства становятся толокно или каша, ср. *толокнники* ‘жители д. Островецкая Виноградовского района Архангельской обл.’ — «Одна какая-то плутовка толокно на мельнице стырила, вот так и звали» [ТЭ], *кашники* ‘жители д. Шардомень Пинежского района Архангельской обл.’ — «Шардомена — кашники: кашу едят. Ставили сено шардомена и еркомена. У еркомена была наварена каша, и шардоменская собака прилетела и слопала. Их прозвали кашники» [СКП, 145].

Отдельный сюжет посвящен скисанию или порче молока. Так, прозвище жителя Великоустюгского района Вологодской обл. *Кефир* объясняется тем, что «молоко в молоковозе скисло. “Не молоко, а кефир!” Так и стал Коля

Кефир» [ТЭ]. Жителей д. Нагавицыно Никольского района Вологодской обл. называли *кислое молоко*, *кисломолóкие*, *кисломолóчники*, мотивируя это тем, что у одного из них разорвало бочку с кислым молоком: «У нас еще, знаешь, Нагавицыно, как их звали? Кислое молоко, кисломолокие. Раньше жили богачи, держали по пять коров. И молоко сквашивали и делали бочки. В бочках держали это молоко, и у одного бочку разорвало. И их и прозвали кисломолокие» [ТЭ]. Сюжет, согласно которому в деревне или рядом с ней разорвало бочку с кисломолочным продуктом, повторяется и в прозвище *творóжники*, данном жителям д. Озерко Каргопольского района Архангельской обл.: «Это поп приехал крестить кого-то, церковь была в Архангело. Поп приехал крестить, сидят за столом, попу чарку налили, и вдруг взрыв дома, бочка с творогом лопнула. Ну, всю он деревню назвал творожники» [СКП, 318]¹⁴.

Прослеживается мотив пролитой пищи или напитков: например, приведенное выше прозвище *творóжники* получает и другую мотивировку — «Цыганки ехали, творог разлили» [Там же]. Жителей д. Савино Каргопольского района Архангельской обл., по одной из народных версий, прозвали *творóжники* за то, что «один старик творогом обкатился», «какой-то пошёл домой, у него осталось кислое молоко с творогом, он вылил его на стол: “Пусть его овцы да коровы съедят”» [ТЭ]. Интересно, что этот же мотив разлитой пищи / напитков мы встречаем в фольклоре и народной топонимии региона. Е. Л. Березович в статье «“Пищевая” модель в гидронимии Русского Севера: метафора и миф» приводит примеры реализации номинативной модели «гидрообъект ← продукт питания» и мотивировок, утверждающих, что «в ручей или реку был пролит соответствующий напиток или — в более радикальном варианте — гидрообъект потек от того, что кто-то разлил напиток» [Березович, 2002, 160]. Ср.: ручей *Винный Ручей* — «Мужик закупил вино на свадьбу, споткнулся и разбил»; ручей *Матрёнин Квас* — «Матрёна поставила квас, а он у ей квасился, вот ручей и потёк»; ручей *Щи* — «Туда кто-то щи пролил». Как предполагает автор, «ситуативные мотивировки *винных*, *квасных* и т. п. гидронимов могут быть связаны по своему происхождению с мифом, который растворяется в позднейших переосмыслениях» [Там же]. Таким образом, антропологический материал показывает, что сюжет о разлитой пище и напитках является сквозным в мотивации топонимов и антропонимов.

Фольклорную природу имеет антропоним *толокóнники* (*толокня́нники*), который становится частью текста о том, как жители Вологодской губ. или Каргопольского района Архангельской обл. замешивали толокно в реке: «Однажды по льду озера ехал целый обоз каргополов. Они проголодались и остановились; один из них говорит другому: *Ванько, замесим толокна!* — *Замесим!* — Сделали

¹⁴Ср. прозвище *кислорéтые* ‘жители куста деревень Пиньгиша Холмогорского района Архангельской обл.’ — «Они сажали репу в огромных количествах, а она вся скисала. А однажды яма, в которой один из жителей хранил репу, взорвалась» [СКП, 149–150].

во льду прорубь, высыпали в нее воз толокна и смотрят... *Что, парень? Что-то не хряснет* (т. е. не густеет)! *Давай высыплем еще*. Высыпали еще воз... Но толокно все-таки не хряснет. Они третий, четвертый, все пять, а толокно в проруби не хряснет! Тогда один вызвался: *Дай-ка, Ванько, я пойду туда, посмотрю, что оно там не хряснет?* Сказал, да и нырнул в прорубь. Ждут-пождут, а товарища из проруби нет. *Что-то, брат, его долго нет? Один-то как бы всего не съел там? Дай-ка, Ванько, пойду и я туда...* Сказал и в прорубь... Другие ждали-ждали да по их примеру все перескакали в прорубь. Наехали проезжие и увидели, что на льду стоят одни пустые возы да лошади» [СКП, 323]. Вологжане, по подобной легенде, замесили толокном Волгу: «Говорят, что когда-то они собрались в дорогу и взяли с собой вместо хлеба толокно. Подходят к Волге, а время было обеденное, вот и расположились на берегу обедать. Кашевар вынул мешок с толокном и стал разводить его в Волге. Мешал, мешал ложкой и стал потчевать земляков. Те взяли дружно ложки и полезли в Волгу за обедом. Попробовали: вода-водой. Пристали к кашевару, который сколько ни уверял, а должен был опуститься в Волгу отыскивать толокно. Опустился он на дно Волги и выплыл ни с чем, а земляки не пускают его на берег. Догадался кашевар, что делать, а догадавшись сказал: *Водяной съел*. Вологодцы подались тогда в обратный путь, домой обедать, ведь не голодными же было идти в путь» [Там же, 323–324]. Согласно другому варианту этого сюжета, «вологжане когда-то посыпали толокном дорогу, чтобы не так скользко было ходить зимой по льду» [Там же, 325]. Антропоним *толоконники*, как и сопровождающие его легенды, отражает действительное пристрастие вологодских крестьян к блюдам из толокна, например к толокну, замешанному на воде, квасе, простокваше или молоке (ср. традиционные севернорусские блюда *дежэнь, тепня́, тяпу́шка*). В переносном смысле толокно и блюда из него характеризуют его любителей как людей простоватых и недалеких, что отражается и в нарицательной лексике, хотя метафора «изготовленный из толокна → глупый» получает явное воплощение, пожалуй, только у А. С. Пушкина в «Сказке о Попе и работнике его Балде»: «Жил-был поп, толоконный лоб...»; ср. также бранное, пренебрежительное выражение *толоконное брюхо* [ССРЛЯ, 15, 560].

В целом для севернорусского региона было характерно употребление похлебок из муки или дробленой крупы, что подтверждают широко распространенные прозвища *тестоёды* ‘жители с. Лядины Каргопольского района Архангельской обл.’ — «Овсяное тесто, э-э-э, заварное делали... вкусное такое, всё тесто, их тестоедами прозвали», «А тесто как-то там в кадушке-то было, как оно делается, квасили его с сахаром, а потом его ели с водой сладкой» [СКП, 321], *тестя́нники (салама́тники¹⁵, солодо́яжники¹⁶)* ‘жители с. Андома Вытегорского

¹⁵ Арх., влг. *салама́т* ‘каша с маслом или салом’ [СРНГ, 36, 56].

¹⁶ Арх., влг. *солодо́яга* ‘сладкое пареное жидкое тесто из ржаной или другой муки с добавлением солода’ [СРНГ, 39, 288].

уезда Олонечкой губ.», *тестя́нники* «жители д. Типиницы Медвежьегорского района Карелии» [СКП, 321]. Эти прозвища также может сопровождать сюжет о замешивании теста в реке, ср. *тестя́нники (салама́тники)* «жители с. Кижы Петрозаводского уезда Олонечкой губ.» — «Заонежане в озере рубили кадушку с тестом» [Там же, 322], что говорит о его широкой географии.

* * *

Внутренняя форма ситуативных и метафорических антропонимов позволяет обрисовать рацион севернорусского крестьянина и выделить некоторые пищевые традиции и инновации. На первом месте по популярности (частотности соответствующих прозвищ) стоят изделия из теста: *булка, блин, вафля, гороховик*¹⁷, *калач, (пшениная) калитка, каравай, картовник, кислушка, крендель, коврига, коlob, кулебяка, кумыш, лепешка, мякушка, олябыш, опара, опекиш, пельмень, пирог, пряник, пончик, сочень, сухарь, тесто, хлеб, шаньга* и пр.; отдельные блюда (в основном из круп) — *каша, кутья, мусёнка, похлебка, саломат, тесто, уха* и пр.; затем молочные продукты — *гуца, кефир, кислое молоко, масло, простокваша, сметана, сливки, творог* и др.; напитки — *брага, квас, кисель, чай* и т. п.; составляющие пищу «полуфабрикаты» — *крупa, солод, соль, толокно, мука, мясо, шкварки (ошамок, ошварки)* и пр.; другие продукты, редкие и новые для крестьянского рациона, — *карамель, колбаса, конфета, макароны* и т. д.

Значительная часть рассмотренных коллективных прозвищ изначально указывала на территориальные различия в рационе: преобладание того или иного блюда (например, *кашехлёбы, тюрки, итеники*), употребление пищи определенного состава (*гороховики, картовники, мякинники*), особенности приготовления блюд (*кислая камбала, кислушники, выденники*). Рацион зависел от того, какие земледельческие занятия были распространены в том или ином районе: возделывание определенной культуры предполагало автоматическое включение ее в пищу, ср. *гороховики, капустники, луковцы, опарники, толоконники* и пр. «Пищевая» мотивация могла появиться вторично или соединиться с «непищевой», например

¹⁷Ср. значения диалектных апеллятивов здесь и ниже: арх., влг. *горо́ховик* «хлеб, пирог, лепешка из гороховой муки» [СГРС, 3, 109], арх., влг. *калѣтка* «пирог, вагрушка» [СГРС, 5, 34–35], арх., влг. *карто́вник* «пирог с картошкой» [Там же, 85], влг. *кислу́шка* «пирожки, оладьи из кислого теста» [Там же, 152], арх., влг. *ко́лоб* «круглый небольшой хлебец» [Там же, 245], арх. *кулеба́ка* «пирог с рыбой», «неудачная выпечка» [СГРС, 6, 244], арх. *кумы́ш* «комоч теста, коlobок» [СРНГ, 16, 88], арх., влг. *мяку́шка* «хлеб из ржаной муки» [КСГРС], влг. *олябыш* «круглый пирог вроде каравай из ячной муки, испеченный на капустном листе» [СРНГ, 23, 195], моск. *опе́киш* «любое печенье из хлебного теста» [Там же, 247], арх., влг. *со́чень* «лепешка из ржаной муки; пирожок из ржаного теста, вагрушка» [КСГРС], арх., влг. *кутья́* «каша или похлебка из гороха», «рисовая или ржаная каша» [СГРС, 6, 320], арх. *мусе́нка* «мучной суп, каша» [СРНГ, 18, 363], арх., влг. *гуца́* «творог» [СГРС, 1, 71], арх., влг. *простокѣша* «простокваша» [КСГРС], арх. *оша́мок* «остатки при топлении сала» [КСГРС], мурм. *ошва́рки* «шкварки» [СРНГ, 25, 82].

прозвище *водохлёбы* в своей первичной мотивации указывает на место проживания населения (вблизи реки), а при вторичном осмыслении приписывает ему особую любовь к чаю. Один и тот же антропоним мог иметь разные ситуативные мотивации: так, прозвище *чаепитники* получали за то, что пили много чая или жили вблизи крупных рек.

Индивидуальные прозвища отражали представления о нормах питания и их нарушении: употреблении большого количества пищи (*Похлёбка*), привычке «таскать» куски (*Хлебный*), невоздержанности и пр. Коллективные прозвища отмечали употребление непривычной или некачественной пищи, изменение технологии приготовления (*пустоварники*, *мусённые*).

Иногда выстраиваются оппозиции антропонимов, противопоставляющие рацион двух территориальных групп населения: жители бассейнов рек Вохма и Вятка противопоставляются как *водохлёбы* и *квасники*, Архангельской и Вологодской областей — как *трескоеды* и *водохлёбы* и др. Обычно отличия в рационе, нашедшие отражение в прозвищах, являются лишь одним из элементов текста о различиях в образе жизни, языке и т. п. жителей двух регионов (например, «вохмяков» и «вятчанят»).

Пища выступает маркером материального положения: так, прозвища *Опары*, *Квас*, *крошеничники*, *мусённые*, *мякинники*, восходящие к названиям постной пищи, свидетельствуют о бедности их носителей, тогда как *костогрызы*, *чаепитники* или *кофейники* указывают на зажиточность обозначаемых социальных групп. Антропонимы позволяют сделать вывод о том, какие севернорусские территории считались особо бедными или богатыми: так, многие «бедные» прозвища принадлежат жителям Пинежского и соседнего с ним Верхнетоемского районов (*крохоборы*, *мусённые*, *сухарники* и пр.), наиболее отдаленных и «глухих» в Архангельской области, тогда как богатым признавалось население Мезени, занимавшееся торговлей. Импульсом к появлению прозвищ или изменению мотивации уже существующих антропонимов были социальные катаклизмы, вызывающие голод и заставляющие отказываться от пищи или переходить на непривычные продукты (ср. *картофельники*, *милозинники*, *голодаи*). Иногда прозвище косвенно указывало на обрядовую жизнь социума, ср. наименования, мотивированные названиями традиционной праздничной и церковной выпечки (*кутехлёбы*, *кутейники*, *колобошники*, *налимы*).

Некоторые антропонимы, возможно, сохраняют память о соседстве русских с финно-угорским населением: прозвища типа *кислая камбала*, *сыроеды* отражают особенности приготовления и употребления мяса, характерного для финно-угров. Сюжет о «съеденной птице», сопровождающий прозвища *вороны*, *кукушки*, *куропы*, возникает вторично, объясняя неясные для современного сознания антропонимы, которые, вероятно, являются результатом «тотемного» номинирования.

Со временем многие из прозвищ, которые изначально свидетельствовали лишь о преобладании в рационе того или иного блюда, «проросли» дополнительными

мотивационными линиями, став вершиной развернутого сюжета в народной топонимии и фольклоре. Среди устойчивых, повторяющихся в мотивации нескольких антропонимов — сюжеты о краже пищи (масла — *масленники*, толокна — *толоконники*, каши — *кашники* и пр.), скисании и порче продуктов (*кисломолочники*, *ротковская говядина*), мотив разлитого напитка или пищи (*творожники*), замешивания реки мукой или толокном (*толоконники*).

Алексеевский и др. — Каргополье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / сост. М. Д. Алексеевский, В. А. Комарова, Е. А. Литвин, А. Б. Мороз, Н. В. Петров ; под общ. ред. А. Б. Мороза. М. : ОГИ, 2009.

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во МГУ, 1980–2015–. Вып. 1–.

Березович Е. Л. «Пищевая» модель в гидронимии Русского Севера: метафора и миф // История русского слова: ономастика и специальная лексика Северной Руси / отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда : Вологод. гос. пед. ун-т, 2002. С. 156–163.

Березович Е. Л., Пьянкова К. В. «Пищевой» код в дискурсе игры // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. С. 341–404.

Бондаренко Е. Д. Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, 2016.

Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах : дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002.

Воронцова Ю. Б., Галинова Н. В. К изучению мотивации композитов, образованных от глаголов с семантикой поедания (на материале русской лексики и антропонимии) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы III Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 7–11 сентября 2015 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 65–68.

Едалина А. А. Взаимодействие семантических областей «Еда» и «Жадность» в русских народных говорах // Научный диалог. 2012. № 12. Филология. С. 21–29.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2 : Народная словесность. М. : Типо-литография С. П. Архипова и К°, 1878 (Тр. Этногр. отд. Имп. о-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. Кн. 5. Вып. 2).

Журавлев А. Ф. Эволюции смыслов. М. : Изд. дом «ЯСК», 2016.

Кабакова Г. И. «Пусть выть уляжется, а лень привяжется» // Этнолингвистика проучавања српских и других словенских језика : У част академика Светлане Толстој / ред. П. Пипер, Јб. Раденковић. Београд : Српска академија наука и уметности, 2008. Т. 3. С. 177–186.

Кабакова Г. И. Русские традиции гостеприимства и застолья. М. : Форум, 2015.

Кофейня — Кофейня: Этнохронимы и прозвища народные... (форум) [Электронный ресурс]. URL: <http://forum.cofe.ru/showthread.php?t=113093&s=328b3591a785d2baa9a68785e578a6df>.

КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург : РГППУ, 2008. ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Никольская Р. Ф. Карельская и финская кухня. Петрозаводск : Карелия, 2010.

- РНК — *Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь : этнолингвистический словарь / науч. ред. Е. Л. Березович. М. : АСТ-ПРЕСС, 2014.
- Рут М. Э. Образная номинация в русской ономастике. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
- СКП — *Воронцова Ю. Б.* Словарь коллективных прозвищ. М. : АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2011.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–46—). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.
- ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.
- ТЭ — картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Уусивирта Х.* Финская национальная кухня / предисл. к рус. изд. В. В. Похлебкина. М. : Легкая и пищевая пром-сть, 1982.

Рукопись поступила в редакцию 06.10.2016

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	костр.	костромские говоры русского языка
влг.	вологодские говоры русского языка	моск.	московские говоры русского языка
карел.	русские говоры на территории Республики Карелия	мурм.	мурманские говоры русского языка
		том.	томские говоры русского языка

В названиях районов

Беломор.	Беломорский район Карелии	Мезен.	Мезенский район Архангельской области
Вохом.	Вохомский район Костромской области	Окт.	Октябрьский район Костромской области
Кологр.	Кологривский район Костромской области	Павин.	Павинский район Костромской области
Леш.	Лешуконский район Архангельской области		

* * *

Осипова Ксения Викторовна

кандидат филологических наук, редактор топонимической лаборатории кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 306
E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

Osipova, Ksenia Viktorovna

PhD, Editor, Toponymic Laboratory, Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University
51, Lenin Ave., office 306,
620000 Ekaterinburg, Russia
E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru

Ksenia V. Osipova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

NORTH RUSSIAN DIALECTAL NICKNAMES DERIVED FROM NAMES OF FOOD: AN ETHNOLINGUISTIC APPROACH

The article deals with traditional collective and individual nicknames attested in Arkhangelsk and Vologda regions, as well as in the north-east of Kostroma region. The “internal form” and motivation of names, as explained by dialect speakers, enable the author to give an account of North Russian peasants’ idea of culinary traditions, to present their stereotypical view of their own and others’ food, the gastronomical preferences of different social and territorial groups. Such an approach also allows to identify social situations involving food and to elicit motives and meanings associated with food in those situations. Most of the analysed collective nicknames initially pointed to territorial differences in food habits and indicated to the dominance of specific dishes (*kashekhlioby*, *tiuriki*, *shtenniki*, etc.), specific ingredients (*gorokhoviki*, *kartovniki*, *miakinniki*, etc.) or some particular traditions of cooking (*kislaya kambala*, *kislushniki*, *vydenniki*, etc.). The analysis of the latter group of nicknames leads to conclude that some anthroponyms may have preserved the memory of the neighborhood of Russian and Finno-Ugric groups. Individual nicknames often referred to the idea of food norms and their violation. Both collective and individual nicknames may also have been used as markers of the wealth of their bearers: for example, many “poor” nicknames were attributed to peasants of Pinezhsky and Verkhnetoyemsky Districts (*krokhobory*, *musyonniki*, *sukharniki*, etc.), whilst the population of Mezen was believed to be relatively rich. The author shows that the motivation of a number of nicknames acquired additional storylines that continued in folk toponymy and folklore. Among such constantly repeating motives the author mentions stories about food theft, souring and spoiling of food, spilling of drinks or food, kneading a river with flour or oatmeal.

Key words: Russian language, North Russian dialects, individual nicknames, collective nicknames, anthroponomy, motivation, ethnolinguistics.

Acknowledgements

This work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, project 34.2316.2017/ПЧ “The Volga-Dvina Interfluve and the Beloye Lake Area: Regional History and Culture as Reflected in Linguistic Data”).

- Alekseyevskii, M. D., Komarova, V. A., Litvin, E. A., Moroz, A. B., & Petrov, N. V. (Eds.). (2009). *Kargopol'ie: Fol'klornyĭ putevoditel' (predaniia, legendy, rasskazy, pesni i prislov'ia)* [Kargopolye: A Folk Guide (Legends, Stories, Songs and Sayings)]. Moscow: OGI.
- Atroshenko, O. V., Krivoschapova, Ju. A., & Osipova, K. V. (2014). *Russkii narodnyi kalendar': etnolingvistiĭskii slovar'* [Russian Folk Calendar: An Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow: AST-PRESS.
- Berezovich, E. L. (2002). «Pishchevaia» model' v gidronimii Russkogo Severa: metafora i mif [«Food» Model in North Russian Hydronymy: Metaphor and Myth]. In Yu. I. Chaikina (Ed.), *Istoriia russkogo slova: onomastika i spetsial'naia leksika Severnoi Rusi* [The History of the Russian Word: Onomastics and Special Vocabulary of Northern Russia] (pp. 156–163). Vologda: Vologod. gos. ped. un-t.

- Berezovich, E. L., & Pyankova, K. V. (2007). «Pishchevoi» kod v diskurse igry [«Food» Code in Game Discourse]. In E. L. Berezovich, *Iazyk i traditsionnaia kul'tura. Etnolingvistiicheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies] (pp. 341–404). Moscow: Indrik.
- Bondarenko, E. D. (2016). *Naivnaia lingvistika dialektonositelei: etnosotiolingvistiicheskii aspekt* [The “Naive Linguistics” of Dialect Speakers: Ethno- and Sociolinguistic Aspects] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural Federal University.
- Edalina, A. A. (2012). Vzaimodeistvie semanticheskikh oblastei «Eda» i «Zhadnost'» v russkikh narodnykh govorakh [The Interaction of Semantic Fields «Food» and «Greed» in Russian Folk Dialects]. *Nauchnyi dialog*, 12, 21–29.
- Efimenko, P. S. (1878). *Materialy po etnografii russkogo naseleniia Arkhangel'skoi gubernii*. [Materials on the Ethnography of the Russian Population of Arkhangelsk Region] (Vol. 2). Moscow: Tipolitografiia S. P. Arkhipova i K°.
- Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., & Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [A Dictionary of Russian Popular Dialects] (Vols. 1–). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Getsova, O. G. (Ed.). (1980–). *Arkhangel'skii oblasnoi slovar'* [A Dictionary of the Dialect of Archangelsk Region] (Vols. 1–). Moscow: Izd-vo MGU.
- Kabakova, G. I. (2008) «Pust' vyt' uliazhetsia, a len' priviazhetsia». In P. Piper, & Lj. Radenkovich (Eds.). *Etnolingvistiichka prouchavanja srpskikh i drugih slovenskikh jezika* [Ethnolinguistic Studies in the Serbian and other Slavic Languages] (pp. 177–186). Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti.
- Kabakova, G. I. (2015). *Russkie traditsii gostepriimstva i zastol'ia* [Russian Traditions of Hospitality and Feast]. Moscow: Forum.
- Kofeiniia: Etnokhrononimy i prozvischcha narodnye...* [Coffee House: Ethno-Chrononymy and Popular Nicknames]. Retrieved from <http://forum.cofe.ru/showthread.php?t=113093&s=328b3591a785d2baa9a68785e578a6df>.
- Leontyeva, T. V. (2008). *Intellekt cheloveka v russkoi iazykovoii kartine mira* [Human Intelligence in the Russian Language Worldview]. Ekaterinburg: RGPPU.
- Matveyev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' govorov Russkogo Severa* [A Dictionary of North Russian Dialects] (Vols. 1–). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Nikolskaya, R. F. (2010). *Karel'skaia i finskaia kukhnia* [Karelian and Finnish Cuisine]. Petrozavodsk: Kareliia.
- Rut, M. E. (2008). *Obraznaia nominatsiia v russkoi onomastike* [Figurative Naming in Russian Onomastics]. Moscow: Izdatel'stvo LKI.
- Shakhmatov, A. A. (Ed.). (1948–1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [The Dictionary of the Contemporary Standard Russian Language] (Vols. 1–17). Moscow; Leningrad; Saint Petersburg: Nauka.
- Uusivirta, H. (1982). *Finskaia natsional'naia kukhnia* [Finnish National Cuisine]. Moscow: Legkaia i pishchevaia prom-st'.
- Vorontsova, Yu. B. (2002). *Kollektivnye prozvischcha v russkikh govorakh* [Collective Nicknames in the Russian Dialects] (Doctoral dissertation). Ekaterinburg: Ural State University.
- Vorontsova, Yu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvischch* [A Dictionary of Collective Nicknames]. Moscow: AST-PRESS-KNIGA.
- Vorontsova, Yu. B., & Galinova, N. V. (2015). K izucheniiu motivatsii kompozitov, obrazovannykh ot glagolov s semantikoii poedaniia (na materiale russkoi leksiki i antroponimii) [On the Motivation of Compound Nouns Formed from Verbs Designating ‘Eating’ (Based on Russian Vocabulary and Anthroponymy)]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiiia* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology] (pp. 65–68). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Zhuravlev, A. F. (2016). *Evolutsiia smyslov* [The Evolution of Values]. Moscow: Izdatelskii Dom IaSK.